

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ЮДЕЛЕВИЧА ЗАКГЕЙМА

Ушел из жизни Александр Юделевич Закгейм...

К сожалению, его имя мало известно широкой публике. А ведь этот талантливый, неординарный человек, Личность с большой буквы достоин того, чтобы о нем знали многие.

Я училась, а потом и работала в Московском институте тонкой химической технологии им. М.В.Ломоносова (МИТХТ), в котором преподавал А. Закгейм. Известие о его кончине я получила от друга моего сына, живущего в Израиле выпускника МИТХТ, а он, в свою очередь, получил это известие из Москвы от своего родственника Евгения Арциса, многолетнего, еще со студенческих времен, друга Закгейма. В полученном письме говорилось: «Дорогие друзья! Сегодня ночью ушёл Александр Юделевич Закгейм, для многих дядя Саша, а для некоторых ещё живущих – просто САША. Он долго и тяжело болел и лет было много, почти 87. А вот ушел, и опустел мир. И стали мы намного, намного слабее.

Может, и не так часто виделись, как хотелось бы. Но была возможность всегда услышать: «Приветствую тебя». Порой этого было достаточно, чтобы утвердиться на этой Земле и в это Время.

Говорят, что Творец, создавая человека, придумал три черты, каждая из которых характеризует мужское начало: Мужество, Доброта, Мудрость. Некоторых мужчин Он награждал двумя чертами, а избранным Он дарил сразу все три. Так вот Саша был таким избранным Человеком. Спасибо судьбе, что мы иногда были рядом.

Вот одно из его последних стихотворений.

СОЛОВЕЙ НА ПЯТНИЦКОМ КЛАДБИЩЕ

*До чего ж неприметная птица!
А послушаешь щелк соловья...
Я еще не готов раствориться
В бесконечности небытия.*

*Пусть и зренье, и ноги слабеют.
Я пока что искать не устал
В подмосковных лесах – орхидеи,
В диком камне –
прозрачный кристалл.*

*Сладкий трепет в груди ощущаю,
Если вдруг средь обычного дня
Я улыбку ребенка встречаю,
Распахнувшуюся на меня.*

*А увижу родимые лица –
Вся душа встрепенется моя...
Я еще не готов раствориться
В бесконечности небытия.»*

***

Александр Юделевич Закгейм, профессор кафедры общей химической технологии МИТХТ им. М.В.Ломоносова, родился в 1930 году. В 1954 г. окончил МХТИ им. Д.И.Менделеева. Работал в НИИ удобрений, а с 1966 года - в МИТХТ. Специалист по моделированию технологических процессов, в последние годы он много занимался проблемами вузовской педагогики, гуманитаризации технического образования, был бессменным руководителем институтского Гуманитарного семинара для преподавателей и студентов.

А.Ю. Закгейм хорошо известен и как писатель, в частности как писатель-фантаст. Стихи и рассказы А.Ю.Закгейма опубликованы в ряде журналов. Его рассказ «Соперник времени», пародия на Станислава Лема был опубликован еще в 1965 г. В 1992 г. был написан замечательный рассказ-предупреждение «Афраллер», который, к сожалению, становится все более актуальным. В газете «Еврейское слово» появились две публикации Александра Юделевича. Первая – «Апокрифы», записи рассказов его мамы, О.Л. Адамовой-Слиозберг, которые не вошли в ее книгу мемуаров «Путь»; вторая – замечательный рассказ «Везучая» (этот рассказ был опубликован в нашей газете «Еврейская жизнь/Община» в 2016 г.).

Поразительно сочетались в этом человеке литературный талант и стройная логика большого ученого. Светлая ему память...

**Инна Швец,
общественный редактор газеты
«Еврейская жизнь/Община»,
Филадельфия.**

РОЗАЛИЯ СТЕПАНОВА, ФИЛАДЕЛЬФИЯ

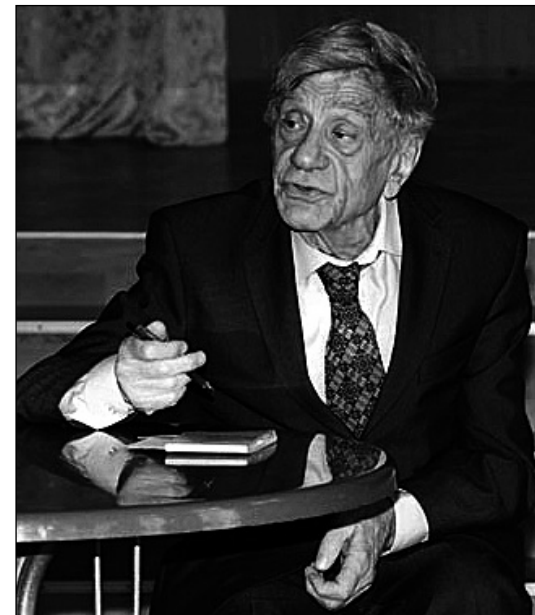
ПО ТУ И ЭТУ СТОРОНЫ «БАРРИКАД»

Скончался Александр Юделевич Закгейм. Весть эта опечалила меня, как всех, кто лично знал этого незаурядного человека, но ещё и особо. Мне есть, что о нём вспомнить и чем поделиться, притом, что при первом знакомстве он меня ошеломил, рассердил, даже раззадорил.

Это здесь, в Филадельфии я стала писать свои эссе, выпустила две книги, готова и третья. А в прежней своей московской жизни я много лет редактировала научно-техническую литературу в издательстве «Химия», где вела раздел «Химическая кибернетика». Специалистов такого профиля тогда выпускать едва начали, ни термин этот, ни соответствующая терминология ещё не устоялись, учебного материала не было. Маститые, наточившие на этой теме перо зубры были наперечёт (а точнее, и того меньше), а те, кто хотел сказать своё слово, опубликоваться (напечататься во всесоюзном издательстве было трудно, но весьма престижно), как правило, ещё не набрали достаточного веса, не «заматерели».

Чаще всего приходилось иметь дело с авторами из продвинутых молодых умников, тех, кому, как говорится, уже было что поведать, системно изложить, хотя в написании книг они ещё не успели поднатореть, уверенности в том, что их труд издадут, не заработали. Поэтому начинали они с подачи в издательство авторского предложения (аннотация и план-проспект). С него и приходилось мне в таких случаях начинать свой редакторский труд.

Вместе с волнующимся автором мы формировали будущую книгу, после чего мне предстояло докладывать на издательском редакционном Совете обновлённое авторское предложение и, как правило, его отстаивать. Таким образом, прежде чем дело доходило до рассмотрения на этом «судилище», нам с автором уже приходилось потрудиться, стараясь довести задуманное им детище «до кондиции». В случае успеха заключался договор, и в следующий раз мы встречались уже после моего просмотра написанной рукописи и доработки автором редакционных замечаний. К тому времени доверие и дружеская атмосфера обычно уже устанавливались. Такое

отношение к себе я считала заработанным, с чем не соглашались некоторые мои издательские «товарки», убеждённые в том, что это авторы у меня особенные.

Случай с Закгеймом выпадал из привычной обоймы, за многолетнюю работу с самыми разными авторами такого со мной никогда случалось и не предвиделось.

Рукопись Александра Юделевича «Введение в моделирование химико-технологических процессов» мне передали в кем-то уже утверждённом виде. С решением этим я согласилась, едва успев её полистать. Написано было очень толково, так что работать предстояло, доводя не от плохого к приемлемому или от приемлемого к хорошему, как это бывало чаще всего, а от хорошего к лучшему. Да и об авторе, профессоре Московского института тонкой химической технологии, мне сообщили кое-что, в том числе интригующее. Он, оказывается, первым изданием у нас уже издавался и успел прослыть очень знающим и интеллигентным человеком, хотя и не без странностей – зимой ходит без пальто и без шапки.

Всё это оказалось правдой, в любое время года Александр Юделевич облачён был в короткую внесезонную курточку, а свою густую шевелюру никогда не прикрывал. Спортивным здоровяком он не выглядел – напротив, был высок, худ и на вид слегка нескладен – явно не из тех, кто налету ловко подхватит свалившееся. Что же до интеллигентно-

Окончание. Начало на с.26

сти, то сомневаться в ней не приходилось с первого контакта, её источник его умный взгляд, мягкая деликатность, изысканный строй и особая манера речи, которые я отметила ещё при деловом телефонном знакомстве.

Когда профессор Закгейм появился в нашей редакции, настроена я была весьма радужно и ожидала услышать всё, что угодно, кроме того, что он произнес, чинно поздоровавшись и усевшись рядом. Начал он, «сразу взяв быка за рога»: как-то по-детски выпятив губы, заявил мне, что редактировать свою рукопись не даст и «уродовать» её не позволит.

В комнате повисла напряжённая тишина. Я просто опешила, а когда нашлась, сказала, что рукопись его, действительно, хорошая и практически в таком виде может быть напечатана. Если же он не возражает, я для пробы отредактирую небольшой отрывок, но правку внесу в карандаше. В случае неодобрения её можно будет просто стереть, и моё участие сведётся к формальному минимуму. На том мы распрощались, а я приступила к задуманной «страшной мести».

Улучшать всегда можно до бесконечности, но редактора держали в узде нормы выработки – положенный быть отредактированным «листаж», так что часто правилось лишь необходимое, – на доведение до блеска времени не оставалось. Но в случае с Закгеймом я решила «патронов не жалеть», тем более, что в исходном виде его рукопись была вполне хороша и можно было обойтись формальным минимумом вмешательства. Однако тут уж я позволила себе «разгуляться».

В техническом тексте особенно важны чёткая последовательность без забегания вперёд с использованием новых пока не установившихся терминов и понятий раньше, чем даны им определения, и, конечно, отсутствие «воды» – пространных и нечётких рассуждений. С первым хлопот не было, так что свой «огонь» я сосредоточила на втором, тем более что «воду» отжать было из чего. Максимально жёстко редактируя, доводя каждую фразу до блеска, делая её краткой и литой, я не забывала выносить на поля свой «улов» – число устранённых повторов. К примеру: минус 5 раз «задача», минус 7 раз «модель», минус 2 раза «применяется», минус 3 слова «который» в одной фразе и т.п. Ни до, ни после Закгейма никого из своих авторов, а были среди них и весьма неумелые, я так не тыкала носом в их писательское несовершенство. На страницах взятого отрывка, включая отступы на полях, живого места не оставалось – всё было черным-черно, хоть и в карандаше.

В таком виде я вручила Закгейму кусок его рукописи, напомнив, что не буду возражать, если он решит убрать всю карандашную правку, и стала ждать результата. И дождалась. Когда он появился в редакции,

я так резко сдвинулась со стулом, освобождая ему место, что получила приличную ссадину, задев коленкой торчавший из дверцы письменного стола металлический штырь, которым приходилось её открывать взамен давно отвалившейся ручки.

Как и в прошлый раз Александр Юделевич был тих и немногословен. Так же по-детски выпятив губы, он скромно сказал: «Будем редактировать».

Мы подружились и, работая интенсивно, понимая друг друга с полуслова, с удовольствием позволяли себе время от времени отвлекаться, беседуя на отвлечённые темы. И мне открылся интереснейший мир знаний и увлечений этого широко образованного, незаурядно мыслящего, чрезвычайно симпатичного человека, его скромность, тонкий юмор и истинная интеллигентность.

С пользой для себя проработав труд Закгейма, я не могла не обратиться внимания и на её несомненные педагогические достоинства, которые при наблюдавшемся на тот момент «безрыбье» учебного материала по моделированию, окажутся широко востребованными. Однако эта превосходная рукопись не имела грифа – ни Учебника, ни даже Учебного пособия. Мне ли было этого не заметить, ведь в таком случае требованиям она должна была отвечать особым, за что полагался бы ей повышающий коэффициент – на редактирование отводилось бы больше времени. Издательское руководство со мной согласилось и вышло в инстанции с инициативой присвоить выпускаемой книге гриф Учебного пособия. И, что удивительно, его удалось успеть вовремя получить.

Помню, над корректурой книги мы работали у меня дома (вечером Закгейму было легче освободиться) и, когда в комнату вошёл пришедший с работы муж, Александр Юделевич так быстро вскочил со стула, что зацепившись за край ковра, растянулся

во весь свой немалый рост. В наших отношениях это было последним напоминанием, остаточным всплеском первоначальной вспышки. Дальше была только взаимная приязнь, ко-

Александр Закгейм

После семидесяти

*Розалии Михайловне
с нежностью
Александр
9.02.17*

Москва, 2012

торая не сошла на нет и после выхода книги в свет. Когда наши деловые отношения закончились и прошло уже немало лет, я как-то получила от Александра Юделевича подарок – его небольшую книжечку рассказов. Там была, помню, фантастика и коротенькие душераздирающие рассказы, записанные со слов его матери, прошедшей ужасы сталинских тюрем и лагерей. Книжечку эту я, к сожалению, оставила в Москве, навсегда уезжая в благословенные Соединённые Штаты.

Вместе с изменившим всю мою жизнь перемещением в совершенно другой мир, в другое полушарие, да и в совсем другой возраст, я перешла ещё и, как бы, на другую сторону баррикад – в ряды авторов, сама стала писателем. Общие знакомые в Москве как-то передали мне привет от Александра Юделевича. В ответ я попросила их дать ему прочитать мою первую книгу «Горсть накалённых слов».

Время текло в убыстряющемся темпе, всё дальше унося меня от прежних интересов, прежних берегов. От описанных событий времён работы в издательстве отделил меня уже, как минимум, 30-летний период, когда довелось мне получить о них напоминание с весьма неожиданной стороны, причём здесь, в Филадельфии. Приятели дали почитать воспоминания своей родственницы, Ольги Адамовой-Слиозберг, книгу «Путь», о которой ещё во времена Самиздата я слышала как об одной из вершин русской мемуаристики. В ней отражён душераздирающий путь, который пришлось с честью пройти этой поразительной женщине – через тюрьмы и лагеря, лесоповал на Колыме и ссылку в иссушающий Джезказган.

Полистав томик для начала, я обратила внимание на фотографии. Вот молодая, большеглазая Ольга Львовна, её расстрелянный муж, её малые дети, от которых она была безжалостно оторвана. А вот они уже подростки и выросшие. И, Боже мой! – Да это же Александр Юделевич с сестрой!

Привет от меня полетел по оказавшемуся родственным каналу, и вскоре получила я и подарок – новую книжечку Закгейма-литератора – рассказы о его жизни, путешествиях, близких людях и друзьях, с которыми прошёл он по жизни...

Подарок этот оказался последним. Из Москвы пришла весть о смерти этого незаурядного человека, с которым, несмотря на первоначальный трагикомический конфликт, нас в продолжение не менее 35 лет связывала тёплая приязнь. С моей стороны о ней свидетельствует этот рассказ, а о его ко мне отношении, начало которому он положил словами: «Редактировать свою книгу я не позволю», говорит дарственная надпись на его книжечке воспоминаний: «Розалии Михайловне с нежностью».

Февраль, 2017.

А. ЗАКГЕЙМ СТИХИ ВОСЬМОГО ДЕСЯТКА

АВТОПОРТРЕТ К ЮБИЛЕЮ

*Юбиляр глядится очень мило.
У него - значительное рыло.
Сверху - шевелюры сизый ком,
Редко он тревожим гребешком.*

*Чуть пониже, от ума излишка,
На костыль образовалась шишка.
Правда, тут есть повод для тревог:
Как бы из неё не вырос рог.*

*Ниже - нос, огромный и блестящий,
Зоркий часовой, вперёд смотрящий,
А подслеповатые зрачки
Защищают мощные очки.*

*Лоб изрыт. Глубокие морщины
Углубляют красоту мужчины.
А немного кривоватый рот
Взгляду ироничность придаёт.*

*Многое воспеть я не успею:
Уши, спину, руки, ноги, шею...
Сам гляди! Поближе подойдешь
И невольно скажешь: «Ну, хороши!»*

SENECTA

*Уже не сделаю я женщину беременной.
Уж не взойду на величавый горный пик.
Мою кончину уж нельзя назвать безвременной.
Уж не могу... Да что там! Просто я - старик.*

*Теперь смотреть бы со спокойным умилением
На жизнь весёлую, кипящую кругом,
Ждать неизбежного финала со смирением
И говорить: «Ну, что ж. Мы все туда придём».*

*Но не дается мне смирение с умилением.
Похоже, разума Творец мне не додал.
Хватаю жизнь с таким же жадным нетерпением,
С каким в далёкой юности хватал.*

*Кусок чрезмерный часто в горле застрекает,
Бьюсь головой о слишком низкий потолок,
И от бессилия тоска одолевает.
Но все ж живу, «И лучше выдумать не мог».*